

ГЛАВА 1

*Поэтическая зависть. — Ястреб
и цветочница. — Господин без шляпы
и господин с тростью. — Кое-что о спицах
и разных способах их употребления. — Явление
Полины.*

6 июля 1836 года, незадолго до заката солнца, на набережной Тюильри стоял молодой человек и бросал в воду камешки. Несмотря на довольно поздний час, на улицах и бульварах прекрасного города Парижа было еще довольно много гуляющих. Господа во фраках, коротких пестрых жилетах и с пышными, искусно повязанными галстуками вели под руку дам с осиной талией, подчеркнутой огромными рукавами и длинными, расходящимися книзу юбками в бесчисленных оборках. Редкую головку не венчал капор с широкими полями, украшенный то перьями, то цветами, то лентами, а то и всем сразу. Большинство мужчин было в цилиндрах, однако кое-где попадались головные уборы попроще — фетровые шляпы и картузы. Юноша же, который швырял камешки (он наблюдал за расходящимися по воде кругами, но время от времени оборачивался к текущей мимо толпе), был и вовсе без шляпы. Отметим, впрочем, что по всем остальным статьям молодой человек не разочаровал бы издателя модного журнала. Черный, безусловно

скроенный портным фрак как нельзя лучше облекал безупречно скроенную Создателем фигуру, панталоны не открывали носков, но и не волочились по земле, атласный жилет жемчужно-серого оттенка, затканый светлыми цветами, снискал бы одобрение самого придирчивого светского денди, а подобранный в тон жилету галстук был не галстуком, а прямо-таки целой поэмой, поэмой из шелка, гимном изысканности, да что там гимном — мечтой любого поэта, и я лично знаю таких, которые, увидев подобный галстук, не поленились бы отдать за него все три тома своих сочинений вкупе со сборником «Избранное» и самой старушкой музой в придачу.

Однако если бедные поэты и позавидовали бы одежде незнакомца, то гораздо больше было таких, кто с удовольствием продал бы душу, титул, друзей, жену и тещу, чтобы заполучить внешность сего элегантного метателя камешков. Вообразите себе молодого человека в самом цвете лет, а именно двадцати семи лет от роду, с пшеничными волосами, тонкими чертами лица, прямым носом и серо-зелеными глазами в черных ресницах, и вы поймете, отчего юная продавщица цветов Жанетт, проходившая мимо со старым господином, похожим на сильно усохшего ястреба (замечу кстати, что тот не был ей отцом), покраснела и, не удержавшись, прошептала вслух: «Какой хорошенький!» Ястреб при этих словах спутницы дернул шеей и почувствовал приближение очередного приступа язвы.

Молодой человек метнул на Жанетт быстрый взгляд, и очередной камешек, описав дугу, плюхнулся в воду. Пожалуй, взгляд был единственным в облике незнакомца, что оставляло после себя неприятный осадок. Так смотрит человек, который знает, чего стоит наш мир, и ни капельки не обма-

нывается на его счет. Как правило, таким людям лучше знакома изнанка жизни, нежели ее солнечная сторона, а Алексей Каверин (ибо так звали нашего незнакомца) и впрямь не мог похвастаться тем, что судьба чрезмерно баловала его. Родом из обедневших дворян, без связей и без громких заслуг в прошлом, он привык всего и всегда добиваться сам. Так как в наследство от родителей ему достались лишь имя да полуразвалившийся домик на Черной речке, Алексей слишком рано понял, что во всем остальном может рассчитывать лишь на самого себя. Подобно большинству молодых людей из хороших семей, не обремененных недостатком, перед ним открывались две дороги: либо унылая чиновничья служба с медленным продвижением по ступеням табели о рангах, с казенщиной и непременным подхалимажем, либо служба армейская, то есть эполеты, дым славы, героические подвиги и, возможно, преждевременная смерть. Тем не менее Каверин выбрал армию, более отвечавшую его нетерпеливому характеру и жажде действий. Увы, именно последние в конце концов заставили его отличиться, да так, что молодой человек едва не угодил в крепость. Но тут вмешалась всесильная госпожа удача.

Она улыбнулась Каверину, точь-в-точь как цветочница Жанетт, и своей прелестной ручкой подправила несколько страниц в книге его судьбы, сделав так, что проступок Алексея, который при других обстоятельствах мог разрушить его жизнь, отныне считался чуть ли не благодеянием. Приободрившись, Каверин решил, что гроза миновала и теперь все будет по-прежнему, но оказалось, что это только начало — начало перемен, к которым он, по правде говоря, вовсе не был готов.

Теперь Алексей с видом скучающего бездельни-

ка стоял на парижской набережной и высматривал среди прохожих какого-то человека, а тот, судя по всему, никак не шел. Грохотали кареты, роскошные, новенькие и блестящие, с пышными гербами на дверцах, скрипели ветхие колымаги, сетуя на коварное время, за которым они были бессильны угнаться, лошади резво перебирали ногами и дробно стучали подковами по мостовой, иные же клячи плелись еле-еле, понутив головы. Плясали султаны на лошадиных головах, тряслись лакеи на запятках, монотонно покрикивали кучера. Солнце в пурпурном тумане медленно опускалось в воды реки, на берегу которой вот-вот должна была произойти встреча, знаменательная для нашего повествования. И если Алексей в ближайшие несколько минут сделает правильный выбор, его ожидают головокружительные приключения, опасности и вожденная награда в конце (о которых он, впрочем, покамест даже не подозревает).

В толпе возник молодой человек с галстуком, украшенным булавкой с неопикуемых размеров бриллиантом, который наверняка происходил по прямой линии от бутылочного стекла, а вовсе не от благородного алмаза. Алексей бросил горсть камешков, которую держал в левой руке, и поспешно двинулся к незнакомцу. Однако прежде, чем Каверин успел приблизиться к обладателю сверкающей булавки, от парапета набережной отделилась молодая девушка и бросилась тому навстречу. Она взволнованно заговорила о чем-то со смущенным юношей, и Алексей досадливо отвернулся. Но тут взгляд его упал на другого прохожего, который широко шагал, помахивая тростью с тяжелым набалдашником. Тот был человек в летах, с величественной осанкой и загорелым лицом, украшенным небольшими бакенбардами. Волосы его были рыже-

ватые, с проседью, орехового цвета умные глаза утопали в паутинке морщинок, около рта залегли глубокие складки. Шею господина охватывал галстук немислимой пышности, его пунцовый жилет способен был вогнать в тоску даже разворачивающийся в эти мгновения закат, а на мизинце красовалось кольцо с алым камнем. Больше всего незнакомец походил на зажиточного рантье, давно отошедшего от дел, и Алексей, очевидно, приняв какое-то решение, быстрым шагом подошел к нему.

Господин с тростью отступил и поглядел на молодого человека без шляпы с некоторым удивлением.

— Простите, сударь, — заговорил Каверин, заметно волнуясь, — но позвольте злоупотребить вашим вниманием.

— То есть? — настороженно осведомился мужчина.

— Вы не знаете меня, как и я вас. Тем не менее я бы хотел обратиться к вам с просьбой, если, конечно, вы никуда не спешите.

Господин набрал воздуха в грудь. Его маленькие, глубоко посаженные глаза оглядели безупречно говорившего по-французски франта с головы до ног.

— Хм, полагаю, что если даже я скажу вам, что спешу домой к своей Франсуазе, это вас не остановит, — выкладываете, что там у вас.

— Так, пустяк, — отозвался Алексей, тщательно подбирая слова. — На закате я должен встретиться в Булонском лесу с одним человеком. Я только что прибыл в Париж и еще не успел обзавестись знакомыми, а встреча такого рода, что на ней необходимо присутствие третьего лица. Поэтому я взял на себя смелость остановить вас.

— Взят смелость! — хмыкнул собеседник, однако в голосе его было куда меньше настороженности,

чем прежде. — Ну что ж, смелости вам не занимать. Если я правильно вас понял, сударь, вы деретесь на дуэли, и вам до зарезу необходим секундант. Так?

— Совершенно верно.

— Любопытно, — проворчал господин с тростью, не переставая сверлить Алексея взглядом. — И с кем же вы деретесь, если не секрет?

Каверин сунул руку в карман и извлек оттуда визитную карточку.

— Вот с этим господином. С графом Максимом де Шевраном.

— Ого! — проговорил старик с невольным уважением. — И давно вы знакомы с месье де Шевраном?

Улыбка тронула губы Алексея.

— Уверяю вас, я не слышал о нем вплоть до сегодняшнего дня.

— Женщина? — осведомился старик проницательно.

— Нет. Просто я имел несчастье толкнуть графа на бале масок у Эпине-Брокера, и он потребовал сатисфакции. Как человек чести я не мог ему отказать.

— Да, — сказал старик задумчиво, — это и впрямь похоже на месье де Шеврана.

— Обычная дуэль на шпагах, ничего особенного, — продолжал Алексей. — Если вы окажете мне честь присутствовать на ней, я буду вам премного благодарен.

— А если нет? — осведомился старик, вертя трость.

Каверин пожал плечами.

— Тогда я найду кого-нибудь другого.

И он коротко поклонился несговорчивому старику, собираясь уйти.

— По-моему, вы уже нашли того, кто вам нужен, — произнес его собеседник с едва заметной улыбкой, которая растворилась в морщинах его лица.

— Так вы согласны? — спросил Алексей. — Уверю вас, это ненадолго. Я только убью его, и вы будете свободны.

Старик скрипуче рассмеялся.

— О, дитя! — воскликнул он, грозя Каверину толстым скрюченным пальцем. — Отчего вы так уверены, что именно граф присоединится к большинству после вашей встречи, а не вы сами? Максим де Шевран — знаменитый фехтовальщик, другого такого не сыскать во всем Париже, если вы до сих пор не знали.

Следует отдать Алексею должное: при этом, прямо скажем, убийственном известии в его красивом лице не дрогнул ни один мускул.

— Признаться, я и впрямь не знал, — сказал он с подкупающей откровенностью. — Но теперь все равно поздно отступать.

Старик вздохнул.

— Хорошие слова, юноша. Как вас зовут?

— Алексис Каверин. Так вы согласны?

— Франсуаза, конечно, будет ждать меня сегодня, — спокойно проговорил старик, — и рассердится, если я не вернусь вовремя к ужину. Но в конце концов не в первый же раз. Договорились, сударь, я буду вашим секундантом.

Молодой человек учтиво поклонился.

— Благодарю вас, сударь. Вы и не подозреваете, какую услугу мне оказали.

— Ваша спица для обработки ребер при вас? — спросил старик.

— Простите? — удивился Алексей.

— Оружие у вас есть?

— Его должен доставить граф де Шевран.

— Тогда чего мы ждем? Едем в Булонский лес. — Старик махнул тростью, подзывая фиакр. — Кто

знает, может быть, вам повезет, и он только ранит вас.

— Поживем — увидим, — отозвался Алексей.

— Вот именно, — согласился старик и снова неприятно рассмеялся. — А вот и свободный фиакр!

И в то мгновение, когда он произносил эти слова, на набережной показалось новое лицо — молодая особа женского пола в восхитительном платье нежно-сиреневого оттенка, которое заставило бы учащенно биться сердце любой модницы. Что же касается внешности обладательницы платья, то если бы в 1836 году додумались производить статистические опросы, то восемь из десяти мужчин наверняка признали бы сию особу очаровательной, а оставшиеся двое — просто обворожительной. Тем более загадочным представляется тот факт, что при появлении незнакомки Алексей насупился и поглядел на нее недружелюбно. И даже — да, да, именно так! — со скрытым вызовом.

— Я вижу, вы нашли себе секунданта? — осведомилась молодая особа тоном добродетельной классной дамы, которая только что обнаружила у первой ученицы спрятанный под партой любовный роман.

Алексей вспыхнул. И сердито ответил, косясь на пожилого господина, ожесточенно торговавшегося с кучером:

— Полина Степановна, прошу вас! Мы уже об этом говорили, и я дал вам понять, что нахожу ваши доводы неубедительными. Тем не менее я дерусь — и точка!

— Даже несмотря на то, что нам известно? Наверняка граф не просто так вызвал вас на дуэль!

Алексей воинственно выпятил подбородок.

— Пусть так, но это ничего не меняет. Вам не о чем волноваться, сударыня. Я только прогуляюсь

до Булонского леса, быстро разрешу наши с графом разногласия и вернусь.

Откроем читателю маленькую тайну: дело в том, что Алексей Каверин был бретер и задира ничуть не хуже своего противника, а что касается вспылчивости, то ее у него хватило бы на дюжину французских графов, если не больше.

— Надеюсь, граф де Шевран быстро вас прикончит, — объявила молодая особа, невинно глядя на своего собеседника. — Не стану скрывать, милостивый государь, но я последняя, кто станет об этом сожалеть.

Однако Алексея было не пронять подобными колкостями, и его ответ был вполне достоин выпада дамы в сиреновом:

— Надеюсь, вы великодушно простите мою дерзость, но в таком случае я также вряд ли буду сожалеть, что лишился вашего общества. А впрочем, сударыня, я остаюсь вашим покорнейшим слугой.

Рыжеватый господин приблизился к спорщикам, с любопытством покосился на раскрасневшуюся молодую даму, чьи глаза метали молнии, и вполголоса осведомился у Каверина, не собирается ли он отказываться от своих планов.

— Менее всего на свете, — твердо ответил Алексей.

— Как зовут вашего секунданта? — спросила Полина Степановна.

— Какая разница? — небрежно отозвался Каверин. — Главное, что он — прекрасный и очень отзывчивый человек!

И молодой бретер вместе с прекрасным человеком, о существовании которого полчаса назад даже не подозревал, сел в фиакр, а Полина Степановна, оставшись на набережной одна, только укоризненно покачала головой.

ГЛАВА 2

*Пери в истерике. — Великий замысел
военного министра. — Неопикуемое коварство
князя Г. — Превратности судьбы.*

Как видим, говоря старику о том, что в Париже у него нет ни единого знакомого, Алексей был не вполне точен. По правде говоря, знакомых набралось бы около десятка.

Первой из них следует назвать уже известную читателю Полину Степановну Серову, которую Гришка, денщик Каверина, весьма непочтительно, но небезосновательно именовал «анафемской барышней». Барышня была круглой сиротой восемнадцати лет от роду, очаровательной, доброй и покладистой — в те моменты, когда она не была упрямой, как стадо мулов, и назойливой, как репей. Именно два последних качества в полной мере пришлось испытать на себе князю Г., возглавлявшему N-ский гусарский полк, в котором числился друг детства Полины, голубоглазый обалдуй Лёвушка.

Что касается Лёвушки, то у него помимо прочих талантов имелся талант совершенно особенный. Есть люди, которые всегда умудряются выходить сухими из воды, а вот Лёвушка обладал способностью совершенно противоположной, то есть влипал во все возможные и невозможные неприятности. И не то чтобы ему не везло — наоборот, он с невероятным упорством искал на свою голову приключений, а найдя их и получив по полной, искренне радовался, как хорошей шутке.

Последняя шутка, которую Лёвушка отмочил до того, как попал под арест, состояла в следующем: с группой приятелей, таких же балбесов, как и сам, он сорвал представление актрисы Глафиры Брандахлыстовой. Нет, актрису не освистали, не ошика-

ли — молодые люди просто помешали ей играть, расхаживая по залу и громко беседуя во время представления. В результате пьеса с треском провалилась. Актриса устроила истерику, швырнула букетом в костюмершу и накричала на директора театра.

Я уже вижу, как вы пожимаете плечами: эка невидаль, несколько юношей пошалили, сделали глупость. И потом, мадам Брандахлыстова, если уж говорить начистоту, такая же актриса, как ваш дедушка — император Бразилии. Наивный мой читатель! Разве вы не знаете (но это только строго между нами), что госпожа Брандахлыстова пользуется милостью великого князя... (Нет, нет, трепещу, не смею назвать его имени.) Разве вам неизвестно, что князь, невзирая на вовсе не юные лета, влюбился в нее, как мальчишка, посылает актрисе через адъютантов букеты, скрепленные бриллиантовыми браслетами, и даже — о ужас! — принялся сочинять стихи в ее честь? Разве вам неизвестно, что Глафира состоит под его покровительством, а значит, всякая обида, учиненная ей, рассматривается как прямое оскорбление самого князя? Ах, вы подозревали нечто подобное... Вы наконец-то поняли, почему сей унылой бездарности с писклявым голоском и неестественными интонациями достаются в газетах одни восторженные отзывы и почему ее называют северной пери и дивным виденьем нашей сцены...

А тут некстати явился гусар и, задорно брэнча шпорами, выставил северную пери на посмешище. Естественно, пери закатила любовнику истерику номер два по усиленной схеме и потребовала наказать виновных. Отправить их в Нерчинск! На рудники! Поставить к позорному столбу! А еще лучше — вообще лишить жизни!

И тогда как-то незаметно выяснилось, что при-